

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КЫРГЫЗОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

С.С. Джеенбекова

Исследуется научно-творческое наследие Ч. Валиханова, содержащее важнейшие сведения по истории кыргызов и их повседневной жизни.

Ключевые слова: Ч. Валиханов; кыргызы; история; материальная и духовная культура; повседневная жизнь; устное народное творчество; эпос “Манас”.

С обретением независимости Кыргызской Республики произошел всплеск углубленного интереса общественности и ученых республики к историческому прошлому страны и народа в широком аспекте. Одним из периодов, насыщенным важными социально-экономическими событиями, явились 50–60-е гг. XIX в. В то время северо-кыргызские племена освобождались от гнета Кокандского ханства и включались в состав Российского государства. Общая социально-политическая и экономическая ситуация в северной части Кыргызстана в тот период нашла отражение в архивно-документальных материалах, уже вовлеченных в научный оборот сведений в трудах Б.Д. Джамгерчинова, К.У. Усенбаева, А.Х. Хасанова, В.М. Плоских и др. Но обращение к трудам ученых-путешественников того времени, в первую очередь Ч.Ч. Валиханова, позволяет воссоздать полнее их предпосылки, ход и непосредственные последствия тех судьбоносных событий.

Чокан Валиханов четырежды посетил Кыргызстан: побывал в Прииссыккулье (1856, 1858,

1859 гг.), Верхнем и Среднем Нарыне (1858, 1859 гг.), в Кемине, Чуйской долине (1864 г.) [1, с. 31–32] и имел возможность ознакомиться и собрать обширные материалы о природе, населении, истории, материальной и духовной культуре, нравах и обычаях кыргызов. Эти материалы составили основу его работ по кыргызоведению, главные из них: “Дневник поездки на Иссык-Куль” и “Записки о киргизах”, имели большое познавательное значение, явились основой тогдашних знаний о Кыргызстане. Трудно переоценить роль Ч. Валиханова и значение его трудов в области кыргызоведения. Они содержат богатый материал по географии, истории, культуре кыргызов, свидетельствуя об их связях с соседними странами и народами, в них впервые намечался сравнительно-сопоставительный анализ исторических судеб, некоторых отличий в хозяйстве, подобий в повседневной жизни кыргызов, казахов и других этносов. Они впервые показали научному миру, что кыргызы и их героический эпос “Манас” обладают огромным культурным потенциалом.

Сведения Чокана Валиханова о кыргызской юрте довольно лаконичны. Вместе с тем они отражают особенности данного жилища: ее внутреннее и внешнее убранство, традиционное расположение вещей и предметов. Он писал: “Дикокаменная орда, как народ кочевой, живет в войлочных шатрах, наподобие калмыцких, и как у кайсаков (казахов) с тою только разницей, что сфероидальный верх юрты гораздо ниже калмыцких” [2, с. 36–73].

Относительно внешнего убранства кыргызской юрты Ч.Ч. Валиханов писал: “Весь верх юрты с внутренней стороны вышит арабесками из разноцветных фигур из войлока, ленты же, служащие поддержкой юрты, отличаются яркостью и искусным расположением фигур” [2, с. 36–73]. Описания внутреннего убранства юрты основаны на впечатлениях об интерьере юрт манапа Боромбая и бия Бурсука. Он писал: “У самого богатого манапа их Боромбая в юрте было совершенно пусто, около стены шатра валялась куча войлока, выбойчатых одеял и на них как бы напоказ брошены покрытые китайкой подушки, деревянные местной работы чашки, котлы металлические”. Сравнивая убранство виденных им юрт кыргызов и казахов, Ч.Ч. Валиханов отмечал, что они лежали повсюду в живописно-беспорядочном виде. “Спартанская жизнь и пустота юрты составляют, как говорили сами киргизы, их древний обычай” [2, с. 36–73].

Записки Ч.Ч. Валиханова о кыргызской пище, при всей их краткости, содержат интересные и ценные с точки зрения этнографии сюжеты. Он писал: “Конина и баранина составляют их (кыргызов) любимую пищу” [2, с. 36–73], что косвенно отражало скотоводство как основной вид их хозяйственной деятельности. Перед забоем скота киргизы произносили ритуальные слова: “Много дней прошло, много ночей прошло, у тебя вины нет, у нас пищи нет, от врагов и тебе и мне досталось” [2, с. 36–73]. Это явное свидетельство того, что в структуре мировоззрения кыргызов сохранялись следы ранних форм религиозных представлений.

Относительно растительной и молочной пищи Ч.Ч. Валиханов не оставил каких-либо сведений. Краткое единственное сообщение о бозо – традиционном напитке кыргызов. Бозо, названный “вином”, составляет для кыргызов радость и утешение [2, с. 36–73]. Нарушая заповедь ислама о воздержании от вина и других алкогольных напитков, кыргызы употребляют в немалых количествах бозо.

По сведениям Ч.Ч. Валиханова и других путешественников середины XIX в. можно заключить, что пищевой рацион кыргызов носил преимущественно мясо-молочный характер. Сваренные куски мяса распределялись по определенному

обычаю, но ели его без лапши. Наряду с традиционными видами мясной и молочной пищи употреблялась и растительная, что предопределялось характером сельскохозяйственных занятий кыргызов того времени.

Одежда является особым компонентом материальной культуры каждого народа, отражающим его прошлое и настоящее. Сведения Ч.Ч. Валиханова об одежде кыргызов в середине XIX в. представляют историко-этнографический интерес в следующих аспектах: во-первых, сведения о кыргызской одежде XIX в. отражают этнокультурные контакты кыргызов в прошлом, сохраняя ряд архаических черт в формах, деталях кроя и украшениях; во-вторых, в них раскрываются взаимосвязи кыргызов с народами среднеазиатских ханств, Восточного Туркестана и России в недавнее и современное Валиханову время.

Верхней одеждой являлись чапаны – халаты, которые при едином туникообразном покрое отличались отделкой воротников, формой и видом застежек, цветовой гаммой. Тогда верхняя одежда с меховым или плюсовым воротом, с застежкой, декорированной шелковыми шнурами [3, с. 332] и т. п. Была также популярна у феодальной родоплеменной аристократии кыргызского, казахского народов, а также в Восточном Туркестане. Судя по описанию Ч.Ч. Валиханова, обувь шилась из красной юфти (кожа), к которой приделывались большие деревянные каблуки [3, с. 332]. Такая обувь носилась байско-манапской знатью. Другая распространенная обувь, упоминаемая в записях Валиханова, напоминала римские сандалии и была сделана из верблюжьей кожи [4, с. 40]. Их носили бедные и простые скотоводы.

Среди дореволюционных разработок по религиозным воззрениям кыргызского народа работы Ч.Ч. Валиханова обладают особой ценностью. Ч.Ч. Валихановым предпринималась попытка выяснения возникновения шаманства у кочевых народов – у кыргызов и казахов и определения его особенностей от сибирского шаманства. Так, в его работах “Записки о киргизах” в подзаголовке “Религия и умственное образование” и “Следы шаманства у киргизов”, т. е. казахов, но которая вполне может относиться и к религиозному мировоззрению кыргызов, прослеживается верная мысль о поверхностном усвоении ими догматов и канонов ислама. Так, относительно кыргызов он писал: “Все дикокаменные киргизы исповедуют мусульманскую религию или лучше, называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни его треб. Все обряды их и поверья до сих пор сохранили полный оттенок шаманства. Поверья, обряды и заклинания их со-

вершенно сходны с шаманским же элементом киргиз-кайсаков” [2, с. 36–73].

Значительное место в системе религиозных воззрений киргизов занимало шаманство – одно из древнейших форм религиозной деятельности человечества, по поводу которого Ч.Ч. Валиханов высказал ряд интересных положений в своей статье “Следы шаманства у киргизов”. Его заключение о неразрывной связи возникновения среднеазиатского шаманства в результате поклонения силам природы и кочевого образа жизни киргизов и казахов, было важным научным открытием в религиозоведении кочевых народов, доступном не многим мыслителям того времени [5, с. 102]. Приведенное высказывание свидетельствует о чрезвычайно глубоко знании Ч.Ч. Валихановым литературы не только о шаманстве киргизов и казахов, но и других идеях и течениях, связанных с религией.

Вероятно, усиление социальной роли шаманства во времена Ч.Ч. Валиханова являлось своего рода реакцией на усиление влияния ислама со стороны Кокандского ханства и активизацию деятельности его проповедников в киргизских кочевьях. Тем не менее, как отражают записки казахского исследователя, мусульманская терминология широко проникла в шаманство: “Онгон стали называть арвахом, куктенгри аллахом или худаем, духа земли шайтаном, пери, дивана джином, а идея осталась шаманская” [6, с. 49–58].

Одним из распространенных культов у киргизов являлся культ огня, о чем свидетельствует такая запись Ч.Ч. Валиханова: “Огонь есть высшая святыня. При обращении к огню и духу говорят следующее заклинание: «Мать огонь! или Отец дух! Памяти твоей поклон неба... Тоба-Тоба (Помилуй)»” [2, с. 36–73].

У киргизов существовал и астральный культ. Вера в сверхъестественные силы планет солнечной системы и поклонение им обеспечивало в их понимании благополучие в материальной и духовной жизни. Так считалось, что звезды покровительствовали счастью человека. В обыденном сознании и до сих пор сохранилось понятие “жылдыздуу”, т. е. звездный-счастливый. Как сообщал Ч.Ч. Валиханов, имел распространение и культ луны. Она ассоциировалась с женским образом. При виде молодого месяца киргизы кланялись ему, а летом собирали траву и бросали ее в огонь [6, с. 49–58].

Устное народное творчество на протяжении многих веков выступало летописью повседневной жизни киргизов и множество письменных и архивно-документальных источников дореволюционного времени отражает глубокий интерес к нему [7, с. 18–20].

Заметки о некоторых аспектах духовной жизни киргизов XIX в. Ч.Ч. Валиханов привел в неоконченной рукописи “Записки о киргизах”, где они обозначены, как “Самородная словесность”. Свои размышления о духовном мире киргизов он начал с экскурса в их прошлое. Опираясь на свидетельства восточных и китайских авторов, указывал на высокую культуру предков киргизов, обладавших письменностью [8, с. 37–38] и самобытной культурой. Он писал: “Древние киргизы, по свидетельству китайцев и мусульманских писателей, имели письмена и стояли, сравнительно других кочевников, в высшей степени культуры” [2, с. 36–73]. Безусловно, киргизы, как и многие другие народы, в середине XIX в. в общей своей массе представляли безграмотное население [9, с. 644], но и среди них имели распространение сотни печатных и рукописных книг на киргизском, персидском, арабском и старотюркском языках, и были такие, которые владели арабским письмом.

Но бесспорное мнение Ч.Ч. Валиханова о том, что устное народное творчество есть показатель умственного развития народа. Он писал: “Единственные памятники умственного развития народа составляют изустные сказания в формах прозаической и стихе” [2, с. 36–73], и это суждение обладает значимостью, потому что в условиях царской России реакционные военные и ученые рассматривали население Средней Азии, в том числе и Кыргызстана, как туземные отсталые племена [10, с. 178]. Ч.Ч. Валиханов на некоторых образцах киргизского и казахского фольклора раскрыл духовный потенциал кочевников, их способность отражать в художественно-поэтической форме окружающий мир не хуже европейских этносов.

Его можно считать первым исследователем-фольклористом, попытавшимся классифицировать устное народное творчество киргизов по жанрам и видам.

В отношении к эпосу “Манас” он вывел свое емкое, не потерявшее значение и по сей день определение. “Манас” – это энциклопедия, собрание всех сказок, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий народа в одно целое, приуроченное к одному времени, и все это сгруппировано около одного лица, богатыря Манаса. “Манас” – произведение целого народа, выращившего плод, созревший в продолжение многих лет, народный эпос, нечто вроде “Илиады” [2, с. 36–73]. Слова об эпосе: “Образ жизни, обычаи, нравы, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее” [2, с. 36–73], ставшие аксиоматичным выражением, отражают глубину

понимания Валихановым величия и неординарности кыргызского эпоса. Вероятно, Ч.Ч. Валиханов один из первых исследователей, кто поставил вопрос о времени возникновения эпоса “Манас” [11, с. 84–86]. Он не назвал конкретного времени его сложения, но предполагал, что истоки эпоса лежат в мифологии, в сказках, а поэтический сплав этих сказок в цельное эпическое произведение произошел позднее.

Очень ценную информацию Ч.Ч. Валиханов оставил о форме стихосложения эпоса. «Эпический эрр имеет размер и рифму, – отмечал Валиханов, – хитрость стихосложения состоит в созвучии сравнений, т. е. в подборе созвучий начальных слов первого и второго стиха. Из всех эпизодов эпоса “Манас” он записал “Поминок по Кукетей-хану” [2, с. 90–147].

В целом, вклад Ч.Ч. Валиханова в изучение эпоса “Манас” можно рассматривать в нескольких аспектах: он один из первых поведал мировой общественности об эпосе “Манас”, тем самым показав умственные и поэтические способности кочевого кыргызского народа; им был поставлен вопрос о времени возникновения эпоса и высказана глубокая мысль о наличии в содержании эпоса мифологического пласта и исторических событий; записан один из значительных эпизодов эпоса “Поминок по Кукетей-хану”; неоднократно возвращаясь к эпосу, он определил основную идею эпического произведения – борьбу Манаса и его сподвижников за освобождение от врагов и сплочение кыргызского народа.

Прозорливость Ч.Ч. Валиханова проявилась при обращении его к эпосу “Манас”. Его можно назвать первым исследователем эпоса, поставившим вопрос о времени его возникновения, форме стихосложения. Описанный Ч.Ч. Валихановым круг легенд и преданий отражает высокую духовность кыргызов, сохранивших в своей памяти богатейшее наследие, переданное им предками.

Таким образом, воссоздание историко-культурного прошлого кыргызского народа в середине XIX века, а где-то и в более ранние времена вполне

возможно, опираясь на глубокое изучение, анализ и обобщение фактических материалов в записках и трудах Ч.Ч. Валиханова о кыргызах и Кыргызстане.

Литература

1. *Умурзаков С.Ч.* Валиханов как географ-исследователь Киргизстана / С.Ч. Умурзаков // Сан-Таш – 140: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. первой записи эпоса “Манас” Ч. Валихановым. Бишкек: Илим, 1996.
2. *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах // Собр. соч.: в 5-ти т. / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1985. Т. 2.
3. *Валиханов Ч.Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль // Собр. соч.: в 5-ти т. / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1985. Т. 1.
4. *Валиханов Ч.Ч.* Кашгарский дневник II // Собр. соч.: в 5-ти т. / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1985. Т. 3.
5. *Сегизбаев О.* Исследователь-мыслитель / О. Сегизбаев. Алма-Ата, 1974.
6. *Валиханов Ч.Ч.* Следы шаманства у киргизов / Ч.Ч. Валиханов. Т. 4.
7. *Турдалиев Ч.Д.* История и культура кыргызов по трудам Ч.Ч. Валиханова: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ч.Д. Турдалиев. Бишкек, 2000.
8. *Утениязов С., Алпысбаева К.* Ч.Ч. Валиханов – первый исследователь кыргызского эпоса “Манас” / С. Утениязов, К. Алпысбаева // Сан-Таш – 140: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. первой записи эпоса “Манас” Ч. Валихановым. Бишкек: Илим, 1996.
9. *История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней: в 5 т.* Фрунзе: Кыргызстан, 1984. Т. 1.
10. *Русские путешественники и исследователи о киргизах.* Фрунзе: Илим, 1973.
11. *Тогусаков О.А., Айдарова Д.М.* “Манас” – наследие кыргызской культуры О.А. Тогусаков, Д.М. Айдарова // Сан-Таш: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. первой записи эпоса “Манас” Ч. Валихановым. Бишкек: Илим, 1996.